Лелуш неловко поправил воротник вечернего костюма. Казалось, что все, что портной делал для него, что касается формальной одежды, было создано с учетом дискомфорта. Шнурок царапался и раздражал, поэтому забыть о нем было практически невозможно. Чего бы он не сделал со своей старой униформой Академии Эшфорда.

Он ехал в машине на свой приветственный бал и пытался придумать какое-нибудь правдоподобное оправдание отступлению в последнюю минуту. Шнайцель сказал, что это обязательно, но... Он почти не собрался приказать шоферу разбить машину. Возможно, с некоторыми травмами, не опасными для жизни.

За исключением того, что это казалось в конечном итоге расточительным, и возможность травмировать водителя присутствовала. Это был недопустимый риск. Нравится ему это или нет, но, похоже, он должен был присутствовать. Он должен был появиться, игриво улыбнуться всем двуличным дворянам и членам королевской семьи и рассказать им, как он был рад вернуться в центр всей цивилизации.

Он ненавидел такие вещи. Боже, как ему хотелось, чтобы Милли была здесь. Или действительно кто-то из членов школьного совета. Настоящие люди. Люди, которые понимали мир таким, какой он есть, в отличие от того, как какой-то подвергнутый цензуре советник.

Но никто не сказал бы лорду и леди Как-их-имя, что в завоеванных Британией местах все еще были общины, которые пытались восстановить электричество и водопровод, не говоря уже о таких предметах роскоши, как пригодные для использования дороги и больницы. Никто не собирался говорить им, что есть люди, голодающие - не потому, что они не могли или не хотели работать, а скорее потому, что их работодатели иногда отказывались платить им из-за их этнической принадлежности. Никто не собирался говорить жене генерала Кого-то или другого, что одна из причин, по которой люди, подобные террористам в Зоне 11, бунтовали, заключалась в том, что им отказывали в их основных правах человека.

Конечно нет. Эти люди не хотели этого знать. Сообщества без дорог и больниц были просто заброшенными руинами, в которых проживала пара стойких радикалов. Люди, которые голодали, были ленивы. Террористы и все, кто восстал против британского правления, были глупыми и неблагодарными негодяями, которые просто не понимали, что им предлагают шанс на лучшую жизнь. Любой, кто говорил иначе, сочувствовал террористам.

Вздохнув, он потянул за шнурок, который снова душил его, прежде чем твердо положить руки на сиденье рядом с собой, чтобы не ерзать. Это будет очень, очень долгая ночь.

«Мастер Лелуш, помощник принца Шнайцеля, только что позвонил и спросил, где вы находитесь». - сказал водитель через домофон.

«Скажи ему, что это называется модным опозданием, и что я приеду, когда приеду». Лелуш взволнованно фыркнул. Они были всего в нескольких минутах от Императорского дворца, а он опоздал всего на час. Ему удалось волочить обувь на вилле, пока Эдит практически не заставила его надеть костюм. Ему начинала нравиться Эдит. Если окажется, что ей можно

доверять, не исключено, что они даже станут друзьями.

«Да сэр».

Лелуш нетерпеливо отрывисто постукивал пальцами по сиденью, пока не показался дворец. Его пальцы застыли на полпути, когда он уставился на толпу, выстроившуюся по обе стороны тротуара до входа во дворец.

Репортеры.

«Невероятно». Он застонал, прежде чем превратить свое лицо в невыразительную маску. Он не мог поверить, что Шнайцель действительно позволил им проникнуть сюди.

Шофер припарковал машину и вышел, готовый открыть дверь по сигналу Лелуша. Сделав последний глубокий вдох и позволив себе еще одну мысленную жалобу на то, насколько нелепым внезапно стал мир, он вытеснил все эмоции и слабость со своего лица.

Как бы нарядно ни были одеты участники, этот бал был полем битвы. Он был похож на гладиатора, брошенного в яму со львами. Любой из людей внутри с радостью ударил бы его и, как любой хищник, почувствовал бы его страх, если бы он позволил ему управлять собой.

Медленно выдохнув, он постучал в окно, и дверь открылась для шквала кричащих вопросов и щелканья ставнями фотоаппаратов. Он скривил губы в чем-то вроде довольной ухмылки, когда начал спускаться через перчатку к двери.

«Ваше высочество, у вас есть какие-нибудь комментарии о том, где вы были после вторжения в Зону Одиннадцать?»

«Принц Лелуш, ходят слухи о тайной помолвке с Милли Эшфорд. Вам есть что сказать по этому поводу?»

«Мы просто хотели бы поприветствовать вас снова в стране, ваше высочество. Есть ли что-нибудь, что вы хотели бы сказать народу Британии?»

«Ваши поклонники хотят знать, есть ли в вашей жизни сейчас кто-нибудь особенный, ваше высочество?»

От машины до двери было пятьдесят футов. Примерно через двадцать ему почти захотелось развернуться и скрыться с места происшествия. Как получилось, что эти люди могут быть такими требовательными и в то же время такими мелочными?

Ему было что сказать им? Нет, конечно нет. Если бы он когда-либо планировал поговорить с

прессой, он бы связался с ними. Он не собирался останавливаться на пути через перчатку к своему приветственному балу, чтобы изложить свою личную историю с безликой толпой репортеров.

Не обращая на них внимания, он направился к двери во дворец, стараясь сохранять спокойствие и расслабленность. Будь он проклят, если позволит репортерам причинить ему дискомфорт. Это было только первое испытание. То, что было внутри, было бесконечно хуже. Дворяне.

«Принц Лелуш ви Британия. Одиннадцатый принц Священной Британской Империи». - объявил швейцар после того, как он наконец прошел через толпу репортеров во дворец и к дверям бального зала.

Он вошел в зал полной и абсолютной тишины. Это не была обычная кратковременная пауза молчания, которая приветствовала всех, когда они входили в комнату. Это было долгое, неловкое, затяжное молчание. Как будто ждали, что что-то взорвется.

Он ухмыльнулся и сделал шаг в комнату, разрушив заклинание молчания. Вместо этого бальный зал наполнился тихим жужжанием слухов, которые перешептывались, повернувшись спиной или прикрывшись рукой, когда вальс снова заиграл.

Не успел он пройти и десяти шагов в комнату, как к нему обратился Шнайцель. «Лелуш, рад видеть, что ты наконец прибыл на свой приветственный бал». Он упрекнул. «Есть люди, с которыми я бы хотел, чтобы вы познакомились».

Лелуш позволил брату утащить себя. Вероятно, он был одним из немногих полу-дружелюбных лиц в комнате. Шнайцель привел его к роскошно одетой паре средних лет. Лелуш был разумно уверен, что одних украшений, которые носила женщина, было достаточно, чтобы содержать среднюю семью из четырех человек в течение года.

«Это граф Андреас Галвестон и его прекрасная жена Клэр. Граф возглавляет старый отдел специальной диспетчерской системы управления». - представил Шнайцель. «И Лорд, и Леди страстно интересуются древней японской культурой».

Отдел специальной диспетчерской системы. Люди, которые милитаризовали фрейм Рицарей(меха) и позволили Британии полностью уничтожить Японию. И они оба интересовались древней японской культурой. Как странно. Возможно, если бы они не изобрели гигантских роботов-убийц, у Японии все еще была бы культура, которой можно было бы восхищаться.

«Рад встретить вас». - вежливо сказал Лелуш, прикусив язык. О, как бы ему хотелось разорвать этих идиотов и рассказать им, что именно их изобретение сделало с Японией.

«О, это настоящее удовольствие, ваше высочество». Леди Галвестон сказала.

«Да, это настоящее удовольствие, мой мальчик». - уверенно сказал граф, пожимая руку Лелушу. «Шнайцель сказал нам, что вы провели несколько месяцев в старой Японии до вторжения. На что это было похоже?»

«Да, страна была очень красивой». До того, как Британия сгладила это. «Место, где я остановился, было очень традиционным и соблюдалось строгий кодекс дисциплины».

«Почему они не осмелились бы попытаться наказать принца Британии, не так ли?» - возмущенно спросила леди Галвестон.

«Конечно нет». Лелуш солгал сквозь зубы. Он не мог вспомнить, сколько раз на него кричали или надевали на голову наручники за то, что он носил обувь в додзё, бежал там, где не следовало, или за то, что слишком громко говорил в священном месте. Куруруги определенно не боялись его дисциплинировать.

Он побеседовал с парой еще несколько минут, прежде чем Шнайцель отвив знакомить его к маркизу Ирвину Фэрбенксу, который владел почти всеми банками на материковой части Британии. Оттуда он познакомился с полковником Петерсоном, блестящим тактиком, который, казалось, крутился вокруг пальца Шнайцеля. Судя по всему, его рассматривали для повышения.

Затем перешла к паре, владевшей крупной производственной компанией на юге, которая расширялась в Районы. За ними последовала вдова, полюбившаяся Шнайзелю, которому также посчастливилось владеть почти половиной акций транснациональной компании по производству боеприпасов. Затем герцог, владелец крупной медиа-компании, охватывающей весь земной шар. Затем крупный генеральный директор медицинской научной компании. Потом еще и еще, все перемешалось между несколькими короткими апатичными речами и тостами в его честь. Дошло до того, что Лелуш просто отказался от попыток удержать их всех в покое. Шнайцель укрывал его - приводил к людям, которые были бы восприимчивы к нему, и защищал от тех, кто был бы враждебен. Даже в этом случае он не думал, что будет изо всех сил стараться облегчить общение с кем-либо из людей, которых он был представлен. Все они были британскими фанатиками с мелкими заботами и искаженными взглядами на реальность. Его единственным утешением было то, что его отец решил не присутствовать. Он сомневался, что сможет иметь дело с Императором на социальном уровне.

Эти люди... все они были могущественны по-своему. У всех у них были разные идеалы и ценности, разные сферы влияния и предпочтения, но если бы все они могли быть объединены под одной и той же властью, того, кто бы ни делал, было бы почти невозможно остановить.

Шнайцель.

Все эти люди были в кармане Шнайцеля. Но если у него уже было столько силы, зачем ему был нужен Лелуш? Было очевидно, что Шнайцель действительно не нуждался в его помощи. На самом деле Лелуш ничего не мог ему предложить, а он уже заткнул столько пирогов, что у Лелуша заболела голова.

«Что-то беспокоит тебя, Лелуш?» - вежливо спросил Шнайцель, когда они извинились от разговора с вице-королем второй зоны.

«Мы можем поговорить наедине?» - спросил Лелуш, осматривая оживленный бальный зал в поисках подслушивающих. Лелушу не было бы никакой пользы, если бы он не знал, где он находится со Шнайцелем. Ему нужно было знать, чего именно хочет от него его брат, и самый простой способ сделать это - просто спросить его в упор. Он будет болезненно откровенен, и либо Шнайцель солгает, либо скажет Лелушу правду, либо внезапно обнаружит, что Лелуш слишком подозрителен, и попытается избавиться от него. В любом случае, это поможет ему понять, каким противником - или союзником - может быть его брат.

«Конечно, Лелуш». Шнайцель улыбнулся и вывел его из бального зала в пустой кабинет. «О чем ты хотел со мной поговорить?»

«Я вижу, что вы показываете мне здесь сегодня вечером, Шнайцель. Все эти люди, с которыми мы разговаривали, - ваши союзники. Я не вижу того, чего вы хотите от меня. У меня нет авторитета или влияния, чтобы говорить из».

«Наши союзники, Лелуш. Эти люди - наши союзники». - поправил Шнайцель. «И у меня достаточно влияния и поддержки для нас обоих».

«Так почему же тогда?» - потребовал ответа Лелуш.

«Ты мой брат. И у нас общий противник». Шнайцель вздохнул.

«Что такого плохого сделал с тобой Император? По общему мнению, ты на самом деле его любимец».

«Я не чувствую, что он больше достоин править. Его не интересуют мирские дела Британии. Управление Империей - пустяк, который его не интересует».

«И за это вы бы уничтожили его?» - спросил Лелуш.

«Да». Шнайцель ответил просто.

«Итак, поскольку я твой брат, и потому что мы оба ненавидим нашего отца, ты хочешь, чтобы я был твоим союзником?» - спитав ответа Лелуш. «Я не буду для тебя инструментом, Шнайцель. Достаточно плохо, что меня должен использовать Император, но я не потерплю этого и от тебя». Возможно, он сжигал свои мосты, но лучше было изложить их намерения и ожидания на столе сейчас, а не позже.

«Похоже, ты меня неправильно понял. Я не хочу, чтобы ты был инструментом, Лелуш. Я хочу, чтобы ты был моим партнером. Равный». - сказал Шнайцель с легкой улыбкой. «В конце

концов, кто еще мог бы сравниться со мной так же, как ты? Одиссей самодоволен. Он доволен ожиданием и считает, что унаследует трон, когда умрет наш отец. Кловис не имеет наглости противостоять Императору. Гвиневра - мелкая мелочь, у которой не хватает мозгов, чтобы вести за собой. А Корнелия - не более чем бешеная собака Императора. Она никогда бы не выступила против него».

«Но ты, Лелуш, ты другой. Ты всегда был другим. Даже когда ты был маленьким мальчиком. Ты похож на меня. Ты думаешь, как я, вот почему ты мне нужен. Я не могу быть везде одновременно. По мере реализации нашего плана мне понадобится кто-то, кому я могу доверять, чтобы действовать соответствующим образом. Кто-то, кто сможет проанализировать ситуацию и соответствующим образом отреагировать без моих постоянных указаний. Кто-то, кто сможет руководить».

«Я понимаю». - сказал Лелуш. «А что произойдет, когда мы выиграем, и ты займешь его место, и вдруг я стану для тебя самым опасным человеком?»

Шнайцель на секунду сузил глаза от гнева, прежде чем снова заглянуть под безупречный вид. «Ты мой брат, Лелуш. Если ты спрашиваешь, убрал ли я тебя, ты сильно ошибаешься, когда думаешь, что знаешь меня. Я бы никогда не сделал с тобой ничего подобного. Когда мы выиграем, что бы ты сделал? хочу?»

Лелуш на мгновение нахмурился, обдумывая его требования. Это будет цена его сотрудничества. «Прекращение зверств, которые британские солдаты могут совершать, демонтаж дарвинистской основы, принятой правительством, улучшение прав на числа, отмена системы номеров площадей... и Япония». У него не было желания править миром, но, отняв у солдат свободу жестокости, укоренившуюся систему угнетения и дарвинистскую идеологию Британии, Британия, которую он знал и ненавидел, перестанет существовать.

«Это делается достаточно легко». Шнайцель улыбнулся. «Ничего больше?»

Лелуш покачал головой. Шнайцель был честолюбив, а это было опасно. С этого момента ему придется внимательно следить за своим братом. И еще более пристальный взгляд на свою спину.

«Ты меня удивляешь, Лелуш». Шнайцель засмеялся. «Я был уверен, что ты просишь половину».

«И ты бы дал его мне?» - подумал Лелуш.

«Да. Фактически, я был готов». Шнайцель улыбнулся.

«Я полагаю, ты не знаешь меня как...» - он прервался, услышав тихий топот шагов, приближающихся к холлу. Они остановились у двери, а затем постучал злоумышленник.

«Проходите». - приказал Шнайзель. Мгновение спустя дверь открылась, и за ней оказалась Юфимия, одетая в элегантное бело-розовое бальное платье.

«Вот ты где!» Воскликнула она. «Я повсюду искал тебя, Лелуш. Разве ты не знаешь, что тебе не разрешено просто исчезнуть в твой особенный вечер? Ты почетный гость! А ты, Шнайцель, должен знать лучше, чем держи его при себе». - сказала она, обвиняющее указывая на него пальцем.

Шнайцель широко улыбнулся: «Прошу прощения, Юфемия. Мы с Лелушем только что закончили».

«Да, да, мы все скучали по нему. Но это не значит, что вы должны отвести все его внимание». Она упрекнула. «Девочки в бальном зале абсолютно обезумели из-за потери своего Прекрасного Принца. Интересно, не станешь ли ты танцевать со мной, Лелуш?»

Лелуш заколебался. Если бы он танцевал с Юфемией, ему, скорее всего, пришлось бы танцевать с большинством присутствующих женщин. СМИ разрекламировали его в своего рода сказочного принца из грез, и если женщины схватят его, его ночь действительно пойдет к черту.

«Ты ведь знаешь, как танцевать, не так ли, Лелуш?» Шнайцель озорно спросил: «Они научили вас этому в той школе, в которой вы ходили, верно?»

«Да, конечно, я умею танцевать». Лелуш вздохнул, затем протянул руку Юфемии и слегка поклонился. «Так что же, тогда? Поскольку вы кажется, полны решимости разрушить мой добрый вечер и заставить меня танцевать, я мог бы поскорее убрать это с дороги».

Юфимия ярко улыбнулась, взяв его за руку, и он вывел ее из комнаты, но не раньше, чем бросил на Шнайцеля грозный взгляд через плечо. Их появление было встречено легкими аплодисментами, прежде чем заиграл классический вальс, и он начал вести свою сестру по ступенькам.

«Я бы хотел, чтобы Корнелия могла быть здесь. Знаете, она действительно скучала по тебе. Она хотела остаться подольше, но сейчас зона 18 слишком нестабильна, чтобы ее не было. Ей пришлось уйти тайно, чтобы сопротивление не воспользовалось ее отсутствием». Юфимия объяснила.

«Это то место, куда она пошла? Здесь я думал, что она избегает меня». - сказал Лелуш с дразнящей улыбкой. «Я думал, что она до сих пор затаила обиду с того времени, как я отрезал ей прядь в детстве».

Юфимия засмеялась. «Я забыла об этом. Она так разозлилась после этого, что даже не смотрела на тебя в течение нескольких месяцев. Особенно после того, как мать заставила ее коротко подстричься, чтобы это выглядело не так плохо. Ты был таким возмутителем

спокойствия. Я рада видеть, что ты вырос из этого».

Лелуш только ухмыльнулся. Неужели он из этого вырос? Нет, он просто перешел к более грандиозным и сложным схемам, чем доводил своих братьев и сестер до разочарования. Схемы вроде разрушения отцовского режима.

Как и ожидалось, один танец превратился в два, потом три и так далее, и так далее. Он никогда больше не ошибется с хитростью женского пола. В течение следующих полутора часов он ни разу ни разу не попросил девушку потанцевать, и все же каждую песню он находил нового партнера. Похоже, девушки вовлекли в свой заговор некоторых других молодых людей, которые прерывали и приглашали нынешнего партнера Лелуша танцевать, фактически продавая девушек. Он думал, что у них могла быть запланированная ротация, но не был уверен.

Шнайцелю потребовалось два часа, чтобы спасти его из их лап, что заставило его еще раз взглянуть на него неодобрительно. «О времени, которое вы вмешиваете». - проворчал Лелуш, следуя за братом из бального зала в сад. Он надеялся, что ему удастся спрятаться в темном саду лучше, чем во дворце.

«Ты выглядел так, будто тебе так весело». - поддразнил Шнайцель.

«Да, ну, я не собираюсь далеко продвигаться в Пендрагоне, если я не могу время от времени наклеивать фальшивую улыбку». Он цинично проворчал.

«Правда». Шнайцель согласился. «Тебе понравились девушки?»

Лелуш не удостоил вопрос ответом, а вместо этого пренебрежительно фыркнул.

«Нет? Это хорошо. Я хочу, чтобы ты кое-что сделал для нас». - сказал Шнайзель. «Вы видите эту девушку?» - спросил Шнайцель, указывая на девушку, вероятно, пятнадцати или шестнадцати лет в изумрудно-зеленом платье, которая весело болтала с парой своих друзей. «Ее зовут Элизабет Кавелл. Она дочь известного ученого, который исследует военные применения нанотехнологий».

«Нет». - внезапно сказал Лелуш. «Нет, определенно нет. Я не собираюсь симулировать интерес к девушке, чтобы заручиться поддержкой ее отца».

«Это не интерес , Лелуш. Это просто танец».

«Если ты хочешь, чтобы с ней так плохо танцевали, почему бы тебе этого не сделать?» - раздраженно спросил Лелуш, скрестив руки на груди.

«Ну, для начала, я почти вдвое старше ее. Во-вторых, я технически занят, так что это было бы

неуместно».

«Когда ты обручился?» - прервал его Лелуш. Он впервые об этом услышал.

«Два года назад». - сказал Шнайзель, махнув рукой, как будто это не было важным. «Это было довольно сдержанно, и мы решили о долгой помолвке... очень долгой помолвке... И в-третьих, ее отец не совсем меня любит».

«Так зачем мне это делать? Если ты ему не нравишься, разве ты не думаешь, что он доведет его до конца? Ты был рядом со мной большую часть ночи».

«Лелуш, для реализации нашего плана нам потребуются наши собственные ресурсы, поддержка и исследования. Нам нужно наладить связи с людьми, которые не слепо лояльны Императору. Поэтому мы должны каждый раз болтать через некоторое время. Кроме того, то, что я ему не нравлюсь, не означает, что он будет пренебрегать другим членом королевской семьи из-за этого». Что ж, в этом он был прав. «Кроме того, если ты сделаешь это, я отпущу тебя домой сразу после этого, а я знаю, что ты действительно этого хочешь».

Лелуш засмеялся. «Вы подкупаете меня сейчас, Шнайцель?»

Его брат с улыбкой пожал плечами. «Все, что работает. Цель оправдывает средства. Вы сделаете это? Ради нашей миссии?»

«Отлично». Лелуш нахмурился, затем поправил куртку и вернулся внутрь. «Но я сразу пойду домой». Он крикнул через плечо.

Один танец, и он поедет домой. Это была разумная сделка, даже если методы Шнайцеля были закулисными. Это было хорошее исследование. Чем больше он общался со своим братом, тем лучше он понимал мыслительные процессы Шнайцеля. Поэтому, когда игра стоила ему так мало - танец был ничтожной ценой, - он играл и использовал возможность для сбора данных.

«Мисс Кавелл, - спросил он, вежливо поклонившись, - можно мне пригласить вас на танец?»

http://tl.rulate.ru/book/55554/1424075